

Комлев Юрий Юрьевич
Казанский юридический институт МВД России,
г. Казань, Российская Федерация
levkom@list.ru

От цифровизации и сетевизации к цифровой девиантации социума и её интегративному изучению

Аннотация. Описаны цифровизация и сетевизация общества в эпоху постмодерна, как факторы цифровой девиантации социума. На основе содержательного анализа англоязычных источников, интернет-исследований рассмотрены новые формы кибердевиантности и интегративные подходы по их изучению.

Ключевые слова: цифровизация; сетевизация; эпоха постмодерна; цифровое общество; киберпреступность; кибердевиантность; цифровая девиантация социума; «большие данные»; цифровая девиантология; интегративный подход

Komlev Yuri Yuryevich
Kazan law Institute of Ministry of Internal Affairs of Russian Federation,
Kazan, Russian Federation
levkom@list.ru

From digitalization and networkization to digital deviantization of society and its integrative study

Abstract. The digitalization and networkization of society in the postmodern era are described as factors of digital deviantization of society. Based on a content analysis of English-language sources, Internet research, new forms of cyber deviance and integrative approaches to their study are considered.

Keywords: digitalization; networkization; postmodern era; digital society; cybercrime; cyber deviance; digital deviantization of society; «big data»; digital deviantology; integrative approach

Технологии радикально меняют жизнь общества и отдельно взятого человека. Середина прошлого века – это рубеж, с которого начинается компьютерная эра.

Компьютеры и информационные технологии в последующем быстро и постоянно совершенствуются, широко внедряются в жизнь и деятельность человека. С развитием Интернета и социальных сетей изменился мир постмодерна. В итоге технологических и социальных сдвигов наука и практика столкнулись со все возрастающей кибердевиантностью и киберпреступностью – глобальными социальными проблемами в интернет-пространстве. Ответы на эти вызовы может дать интегративное социально-технологическое знание, которое формируется в новом предметном поле цифровой девиантологии на стыке социологии, юриспруденции, теории масс-медиа, математики, информационных технологий.

Что характеризует хронологию социально-технологических перемен в мире постмодерна?

Во-первых, благодаря техническому и технологическому прогрессу к концу XX века персональные компьютеры становятся доступными для массового потребителя. На рубеже нового века идет процесс развития связанных между собой компьютерных станций от частных и ведомственных закрытых сетей до открытой, глобальной информационной системы Интернет, объединяющей по каналам цифровой связи всех своих абонентов.

«Глобальная сеть» становится потенциально общедоступной различным пользователям с появлением графического браузера. Она предоставляет им неограниченные возможности для общения, создания, накопления, передачи, получения текстовых, графических, аудио- и видеоданных. Интернет входит важной составной частью в повседневную жизнь и деятельность не только организаций, но и обычного человека. В последующем новые программные продукты и системы online доступа к «мировой паутине» с мобильных телефонов и других устройств многократно расширяют круг её пользователей. По оптимистическим прогнозам в 2020 году количество пользователей Интернета достигнет отметки в 5 млрд человек [Комлев, 2020: 31–40].

Во-вторых, с 2002 по настоящее время происходит стремительное распространение online-платформ и социальных сетей в Интернете. Социальные сети в социологическом смысле как структуры, объединяющие взаимодействующих людей, существовали, разумеется, во всех обществах и до компьютерной эпохи. Однако создание Интернета и online-платформ привело к многократному расширению социальных контактов и связей в реальном времени между множеством людей, распределенных по всему земному шару. В 2019 году в мире насчитывалось 250 социальных сетей и их количество продолжает расти. Среди online-платформ особенно популярны «Facebook», «Twitter», «Instagram», «ВКонтакте», «Одноклассники». Стремительный рост числа сетевых связей наблюдается особенно в молодежной среде. По числу интернет-пользователей Россия занимает 8-е место в мире [Комлев, 2020: 31–40].

1. Цифровизация и цифровое общество в России. За весьма короткое по историческим меркам время, благодаря компьютеризации и цифровым технологиям обработки и передачи данных, в центре которых Интернет, социум постмодерна приобрел зримые черты *цифрового общества*. Процесс *цифровизации* («перехода на цифру») можно определить в широком социологическом значении как широкомасштабное внедрение цифровых технологий во все сферы социальной реальности – жизни и деятельности человека.

Цифровизация оказывает колоссальное влияние на основные подсистемы российского социума (экономику, политику и управление, образование, культуру и масс-медиа, здравоохранение), на его социальную структуру («цифровая

стратификация») и функционирование, вызывая новые социально-коммуникативные эффекты и практики. Цифровизация наиболее наглядно проявляет себя в экономической сфере. Весьма успешно она развивается в банковском деле, в распространении интернет-торговли, в транспортных системах, в нефте- и газодобыче, а также на ТВ и мультимедиа, в образовании и медицине. Примером реальной цифровизации в повседневной жизни россиян является использование интернета вещей в управлении транспортом с помощью Яндекс.Навигатора. По индексу цифровизации (digital evolution index) Россия находится на 39 месте, соседствуя с Китаем и Индией [Комлев, 2020: 31–40].

Цифровизация как процесс движения к цифровому обществу – неотвратимый, но неоднозначный тренд. С одной стороны, она стимулирует позитивные социальные перемены. Например, в хозяйственной деятельности: исключает рутинный бумажный документооборот, ускоряет все технологические процессы, повышает производительность труда, прибыль, снижает издержки, обеспечивая простоту и точность в предоставлении и получении услуг и товаров, минимизирует влияние ошибок, связанных с «человеческим фактором».

С другой стороны, цифровизация уже сегодня создает немало социальных, экономических и правовых проблем. Среди них – феномен «цифрового неравенства», состоящий в разрыве уровней образования между людьми, в неравных условиях доступа к цифровым услугам и продуктам. В цифровой экономике неизбежна компрессия рынка труда, поскольку уже в недалеком будущем не нужны будут многие массовые профессии: водители, продавцы, учителя, госслужащие, банковские клерки, занятые рутинной, поддающейся оцифровке. Все эти люди, как жертвы массовой безработицы, могут стать девиантами, адаптируясь соответствующим образом к новым цифровым условиям на рынке труда. Перевод личной и конфиденциальной информации в цифровую форму создает невиданную ранее зависимость человека от того, как и где хранятся, используются его данные.

2. *Сетевизация и online-сообщество.* Экономическая и социальная динамика нового века, происходящая под влиянием фундаментальных последствий информационных технологий, описывается в работах М. Кастельса. По его предположению, именно сети будут составлять новую социальную морфологию современного постиндустриального мира. В «сетевом обществе» все ключевые социальные структуры и деятельность его членов будут организованы вокруг сетей электронных коммуникаций [Кастельс, 2000]. Действительно, в первые два десятилетия XXI века, благодаря развитию online-платформ в Интернете произошел взрывной рост социальных сетей – состоялась *сетевизация социума*. Сетевизация, происходящая за счет роста числа сетевых ресурсов и сетевых пользователей, достигла такого уровня к настоящему времени, что позволяет электронным коммуникациям с помощью online-платформ охватить практически все общности и социальные слои социума. Она привела к образованию и стремительному расширению online-

сообществ. Развивающееся по экспоненциальному закону социальное online-пространство представляет собой, по оценке Моссбергпер, «социально-технологическую совокупность, которая создает новую публичную сферу, обеспечивающую цифровое гражданство» [Williams, Burnap, 2016: 211–238].

К плюсам сетевизации можно отнести: неограниченные социальные возможности для общения вне расстояния и времени, создание новых и поиск утраченных контактов, а также неограниченный потенциал для самовыражения и саморазвития личности, для обучения, чтения, просмотра и прослушивания, использования развлечений, для рекламы и продвижения бизнеса, интернет-торговли, организации заработка. Однако социально-технологический феномен сетевизации, как и цифровизация, порождает не только новые возможности, но и новые социальные проблемы, глобальные риски, связанные с распространением сетевой девиантности и виктимизацией сетевых пользователей.

3. От цифровизации и сетевизации к цифровой девиантзации социума.

Цифровизация создает невиданные ранее возможности для развития высокотехнологичной кибердевиантности и, прежде всего, её криминальных форм: хищений, мошенничества, взломов и других проявлений инновационной, по Р. Мертону, адаптации девиантов в киберпространстве Интернета. В результате наблюдается всплеск *цифровой девиантзации* социума как распространение в киберпространстве «старых» и новых форм девиантности и преступности. Эти перемены иллюстрируют результаты многочисленных интернет-исследований. Так, в обзоре австралийских криминологов структурирован ряд киберпреступлений, обусловленных технологическими факторами цифровизации. Среди них:

- киберпреступления, включающие несанкционированный доступ к компьютерной системе, сетевым данным, с помощью взломов, онлайн-атак и/ или «вредоносных программ, вирусов»;
- киберкражи, в том числе хищение денег, данных, интеллектуальной собственности, электронное пиратство, совершаемые путем мошенничества или с помощью вредоносных программ;
- кибертерроризм в форме сообщений, поддерживающих предполагаемые террористические акты; распространение инструкций по изготовлению взрывчатых веществ и другого оружия и прочее;
- киберсекс-торговля людьми и секс-туризм, а также сексуальная эксплуатация детей в киберпространстве [Stratton, Powell, Cameron, 2017].

В 2018 году на Всемирном экономическом форуме в Давосе было признано, что киберпреступность стала одним из наиболее критических, глобальных рисков. По экспертным оценкам финансовый ущерб от кибератак в мировой экономике составил в 2019 году до 2 трлн долларов, в 2020 году приблизится к 3 трлн долларов. Причем, эти оценки весьма условны, поскольку не отражают в полной мере положения дел в бизнесе из-за стремления финансовых организаций избежать репутационных потерь.

По данным аналитиков Сбербанка, потери от киберпреступлений в 2017 году во всех отраслях российской экономики оценивались в 550–600 млрд рублей. В следующем году, согласно ожиданиям экспертов, размеры ущерба должны приблизиться к 1 трлн рублей [Комлев, 2020: 31–40].

Online-платформы и социальные сети порождают не только *online-сообщества* и новые возможности для общения, но и социотехнологические предпосылки для дальнейшей цифровой девиантации социума. Среди новых проявлений кибердевиантности, следует выделить такие, как: сетевая зависимость с утратой навыков реального общения, бегство от действительности (искейперство), киберлудомания, виртуальные сексуальные домогательства и насилие; компьютерная педофилия; запугивание и киберпреследование, интернет-торговля наркотиками, пропаганда ненависти и распространение экстремистских идей.

Кроме того, сетевизация является источником новых форм *кибервиктимизации*. Многие молодые люди, беспечно размещая в социальных сетях личную информацию, фото и видео, рискуют стать жертвами злоумышленников, поскольку online-платформы никогда не удаляют контент пользователей и о пользователях. Например, серверы «Facebook» каждую неделю накапливают около 100 терабайт личной информации. По мере роста online-сообществ быстро растет объем и так называемой «темной стороны» социальных сетей, где не соблюдаются законы, где похищаются и продаются личные данные пользователей и клиентов, различных чаще всего банковских сервисов. Наибольшие риски кибервиктимизации существуют для таких уязвимых социальных групп, как обладатели электронных кошельков, а также подростки, женщины, пожилые люди, этнические меньшинства, участвующие в сетевом общении.

3. *Интегративные исследования кибердевиантности и киберпреступности.* На протяжении десяти последних лет к изучению девиантности и других социальных феноменов Интернета активно обращаются зарубежные и отечественные социологи и девиантологи, другие представители обществоведения. В интернет-исследованиях широко используются положения семиотики, теории масс-медиа, социологии культуры, социологии науки и технологий. Так, начиная с 2010–2012 годов ряд американских и британских социологов (Д. Лаптон, Д. Фаррелл, Дж. Петерсон М Карриган, Э. Хэад, Х. Дэвис и др.) сосредоточили внимание на определении предметного поля цифровой социологии как интегративной науки о цифровом обществе и его киберфеноменах. В частности, Д. Лаптон, обратил внимание на большой социальный смысл включения цифровых технологий, цифровых средств массовой информации и социальных сетей в повседневную жизнь современного человека. Особую роль цифровой реальности он увидел в контексте совершения киберпреступлений, наступления последствий цифровой виктимизации, цифрового неравенства и обеспечения социальной справедливости в цифровом мире. Для зарубежных интернет-исследований весьма типичен анализ идентификационных

процессов, происходящих в киберпространстве. Среди них: изучение online-сообществ, представителей маргинальных групп, расовых и этнических меньшинств, ЛГБТ-сообществ, а также экстремистов и групп ненависти.

Весьма интересные обобщения в рамках социологической рефлексии цифровой социальной реальности содержат публикации российских исследователей: М. В. Кобакина, С. А. Гришаевой, В. Ф. Ницевича и др. В работах отечественных социологов широко обсуждается научный арсенал различных социологических концепций, подходов и методов, применяемых к осмыслению социальных аспектов цифровизации и сетевизации. Исследователи обращают внимание на социальные эффекты и проблемы, создаваемые Интернетом, популярными социальными сетями и медиа в российском обществе [Кобакин, Гришаева, 2019; Ницевич, 2018].

В целом зарубежные и отечественные социологические работы посвящены анализу проблематики «цифрового разрыва в стратификации»; специфики функционирования социальных медиа, новых идентификационных процессов, новых коммуникативных, в том числе девиантных практик. В результате непродолжительного развития цифровой социологии были концептуализированы такие понятия, как «цифровое общество», «социальная цифровизация», «цифровое неравенство», «цифровое наблюдение». Вместе с тем социальной теории цифровизации все еще нет, несмотря на существенный рост числа социологических интернет-исследований.

Судя по возрастающему количеству научных конференций и публикаций в ведущих социологических и криминологических журналах, наибольший интерес зарубежные и отечественные исследователи проявляют к изучению киберпреступности и кибердевиантности как последствий цифровизации и сетевизации в мире постмодерна, специфики социального контроля над их проявлениями.

На начальном этапе цифровизации в конце XX и первые годы XXI века интерес исследователей (Монтгомери, Клаф, Уолл, Смит, Грабоски, Урбас и др.) был преимущественно обращен к киберпреступлениям, совершаемым в отношении компьютеров. Среди них: взломы операционных систем, похищение программных продуктов, несанкционированный доступ к компьютерам, киберкражи денежных средств и финансовых данных, интеллектуальной собственности с помощью вредоносных программ у корпоративных клиентов [Stratton, Powell, Cameron, 2017]. При изучении киберпреступлений, «сфокусированных на компьютере», в этот период еще используются традиционные теории преступности и объяснительные модели, выстроенные на их основе для обычных «уличных» краж.

На следующем этапе с развитием цифровизации и сетевизации, когда невероятно возросла доступность online-информации, у киберпреступников появилось значительно больше новых возможностей для совершения online-преступлений и девиаций, прежде всего, в отношении обычных людей – пользователей цифровых

услуг и сетевых ресурсов. Типичным инновационным способом кибератак и по сей день является рассылка киберпреступниками фишинговых сообщений (поддельных писем) интернет-пользователям, с целью войти к ним в доверие и совершить кибермошенничество. Наряду с корыстной киберпреступностью, в исследовательский ракурс социологов и девиантологов вошли новые социально опасные проявления кибердевиантности. Они включают в себя: online сексуальную эксплуатацию детей и детскую порнографию, секс-торговлю людьми и секс-туризм (Митчелл, 2010; Рейнс, Хенсон, Фишер 2011); различные формы кибернасилия, киберпреследования и киберзапугивания (киберсталкерство, кибербуллинг), кибертерроризм и распространение инструкций по изготовлению взрывчатых веществ) (Веббер, 2013; Мартин, 2014; Уэйменн, 2016 и др.) [Stratton, Powell, Cameron, 2017]. В новом междисциплинарном поиске продуктивно работают и российские исследователи. Ряд оригинальных обобщений содержат публикации Я. И. Гилинского, Я. В. Костюковского, Д. Н. Карповой, С. В. Бондаренко, Ю. Ю. Комлева, В. А. Номоконова, Т. Л. Тропиной, Э. Л. Кочкиной, А. В. Федорова, М. В. Немова и многих других авторов.

Стало очевидно, что новые проявления кибердевиантности и способы совершения киберпреступлений стали сложнее, разнообразнее, динамичнее. Потенциал традиционных криминологических теорий оказался недостаточным для их объяснения и моделирования. Отсюда, для изучения кибердевиантности и киберпреступности, в зарубежных и отечественных работах, стали больше использоваться интегративные концепции и подходы. Эмпирические интернет-исследования в этой области широко опираются не только на бесконтактные методы сбора информации, но и вычислительные алгоритмы и аналитику «big data» («больших данных»), что весьма поучительно для отечественных молодых исследователей. Девиантологи и криминологи за рубежом активно ассоциируются в исследовательские группы с прикладными математиками, IT-специалистами. Так, например, поступили британские исследователи, изучающие терроризм, преступления ненависти и «триггерную» преступность [Williams, Burnap, 2016: 211–238].

Опыт изучения цифровой девиантизации социума формирует предметное поле цифровой девиантологии и криминологии, которое лежит на пересечении социологических и юридических наук, семиотики, теории масс-медиа, математики и информационных технологий. Так, в работах криминологов Ш. Браун (2006), М. Яра (2012) К. Хейворда (2012) широко использовались идеи гибридизации социологических, криминологических и технологических знаний для исследования цифровых проявлений девиантности и преступности [Stratton, Powell, Cameron, 2017]. Эти и другие труды наметили основные пути построения интегрированного социально-технологического знания о природе и детерминации кибердевиантности и киберпреступности. Исследователи предложили для построения объяснительных моделей различных проявлений киберпреступности объединить знания из различных

социальных и технологических дисциплин с опорой на непротиворечивые положения дополняющих друг друга криминологических теорий. Например, гибридизированный подход, обозначенный Ш. Браун, позволяет учитывать роль цифровых технологий в широком спектре правонарушений и виктимизации; сетевого опыта в совершении преступлений; online-маргинализацию по признакам пола, возраста, этничности; состояние и динамику цифрового неравенства и другие социоструктурные и процессуальные факторы киберпреступности.

Австралийские исследователи Г. Страттон, А. Пауэлл, Р. Кэмерон – теоретики цифровой криминологии – также использовали интегративный подход, концептуализируя киберпреступность и кибердевиантность как техносоциальные практики в цифровом мире. Они исходили из объединения знаний социологии, криминологии, юриспруденции, политической науки, культурологии, теории масс-медиа, информационных технологий [Stratton, Powell, Cameron, 2017].

Таким образом, интегративное теоретико-эмпирическое изучение киберпреступности и кибердевиантности позволяет многомерно и диалектично моделировать причины и следствия, формы многообразной девиантной активности в цифровом обществе. Использование расширенной методологической триангуляции в интернет-исследованиях с привлечением бесконтактных опросных методик, контент-анализа цифровой текстовой и видеоинформации, вычислительных алгоритмов для обработки структурированных, неструктурированных «больших данных» и других эмпирических материалов – надежный путь для построения прогностических моделей киберпреступности и кибердевиантности [Комлев, 2019: 97–104]. Возможность предвидеть с помощью аналитики «big data» время и место совершения киберпреступлений позволяет значительно улучшить использование ограниченных правоприменительных ресурсов полиции и других силовых структур. Более того, за математически выверенным прогнозированием следует и выработка новых правовых форм и практик социального контроля в киберпространстве более адекватных социально-технологической реальности «цифрового мира».

Библиографический список

Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.

Кубакин М. В., Гришаева С. А. Актуальные проблемы рефлексии цифровой социальной реальности: переосмысление научных концепций. // *Цифровая социология / Digital Sociology.* 2019; 2 (1). С. 4–9 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.doi.org/10.26425/2658-347X-2019-1-4-9> (дата обращения: 28.10.2019).

Комлев Ю. Ю. Интеграция криминологических знаний, расширенная методологическая триангуляция и «big data» в социологическом изучении преступности // *Вестник ВЭПС.* 2019. № 3. С. 97–104.

Комлев Ю. Ю. Цифровизация, сетевизация общества постмодерна и развитие цифровой криминологии и девиантологии // *Вестник КЮИ МВД России.* 2020. № 1. С. 31–40.

Ницевич В. Ф. Цифровая социология: теоретико-методологические истоки и основания // Цифровая социология / Digital Sociology. 2018; (1): 18–28 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.doi.org/10.26425/2658-347X-2018-1-18-28> (дата обращения: 28.10.2019).

Matthew L. Williams Pete Burnap Cyberhate on Social Media in the aftermath of Woolwich: A Case Study in Computational Criminology and Big Data // The British Journal of Criminology, Volume 56, Issue 2, March 2016 [Электронный ресурс] // URL: <http://www.doi.org/10.1093/bjc/azv059> (дата обращения: 19.10.2019).

Stratton G, Powell A. and Cameron R (2017) Crime and Justice in Digital Society: Towards a 'Digital Criminology' // International Journal for Crime, Justice and Social Democracy 6 (2): 17-33 [Электронный ресурс] // [веб-сайт]. URL: http://www.digitalcommons.wcl.american.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1233&context=facsch_lawrev (дата обращения: 28.10.2019).